

• НИКОГДА •

Посвящается великому Скотту Муни —
в благодарность за музыку, которую я слушал большую
часть детства

Джону, Джеку, Рэю, Дугу, Кэти, Дженис,
Арлин, Кевину
и другим свихнувшимся на *газете* —
на любительской газете
Фордемского университета.
Вы подарили мне первый серьезный
издательский опыт...

Эдгару Аллану По,
который прожил сложную жизнь,
но его революционные труды будут жить вечно...

И Бронксу, месту, где я родился и живу,
месту, где я вырос, получил образование
и которое до сих пор остается самым большим секретом
Нью-Йорка.
Так держать!

Я слышал все, что происходит на небе и на земле.
Я слышал многое, что происходит в аду.

Эдгар Аллан По, «Сердце-обличитель»

кварталов до их крошечной, обшарпанной, захламленной, но безумно дешевой квартирki на Камбреленг-авеню.

Когда они вышли из кампуса, Джон откинул волосы со лба и сказал:

— Давай-ка поднажмем! Хочу поскорее попасть домой и переодеться к вечеринке.

— Какой вечеринке?

— У Эми, забыл?

Кевин поморщился.

— Чувак, у меня завтра лекция в половине девятого, я не могу.

— Забей, — пожал плечами Джон.

— Не вариант. Доктор Мендес надерет мне задницу. Seriously, она проводит *перекличку*. Я и так из-за работы уже три занятия пропустил. И просто не могу пропустить еще одно.

На перекрестке Белмонт-авеню и Фордем-роуд пришлось подождать, пока загорится зеленый, — движение даже в этот поздний воскресный час было оживленным, на красный не перебежишь. До последнего курса Джон жил в кампусе, этаким зеленом оазисе академических знаний в самом центре одного из крупнейших городов мира. Ладно, не в центре — Бронкс расположен на самом севере Нью-Йорка, чуть выше Манхэттена и Квинса, и только эта часть города находится на материке. До того, как Джон впервые приехал в университет — он тогда был еще старшеклассником, — в его голове между Нью-Йорком и Манхэттеном стоял знак равенства. Он и понятия не имел о существовании других районов и был счастлив оказаться в одном из них, который сам по себе был куда интереснее, чем Кливленд, штат Огайо, целиком. Хотя резкая смена декораций до сих пор вызывала у него нечто вроде головокружения.

Территория университета была сплошь покрыта зеленью — газонами и деревьями — и застроена зданиями, старыми и новыми. Одни относились к девятнадцатому веку, когда университет был основан, другие появились тут в конце двадцатого века — и все это вместе создавало ощущение, что ты попал в один из сонных городков Новой Англии.

Но стоило выйти за кованые ворота, как на тебя обрушился рев машин и автобусов, несущихся по Фордем-роуд —

или ползущих, если это час пик, — шум заправок, забега- ловок с фаст-фудом, автомастерских и... людей. В этом рай- оне жили в основном итальянцы, прибывшие сюда в начале двадцатого века, латиноамериканцы, прибывшие в шести- десятых годах, и албанцы, прибывшие в восьмидесятых. Чуть дальше по улице в одну сторону можно было увидеть универмаг «Сирс», торговый центр «Фордем-плаза» и стан- цию Фордем Северной пригородной железной дороги, в дру- гую — здание Департамента автомобильного транспорта, зоопарк и ботанический сад. «Маленькая Италия» с ее га- строномами, винными магазинами, ресторанами, пекарня- ми, магазинами макаронных изделий и уличными ярмар- ками процветала. Джон в этом семестре набрал два кило- грамма, просто переехав поближе к любимым канноли¹.

Но, разумеется, поздним воскресным вечером прохожих на улице почти не было, только машины пронеслись мимо. Загорелся зеленый, Кевин и Джон побежали через дорогу, но едва добрались до середины, как снова замигала красная рука, приказывающая остановиться.

— Зачем ты вообще записался на утреннее занятие в по- недельник? — спросил Джон. — Ты же знал, что почти каж- дое воскресенье будешь работать допоздна.

— По средневековой литературе я мог взять только этот курс. Или пришлось бы брать сразу два семестра по Шек- спиру. В следующем полугодии я запишусь на вторую часть большого курса.

Они свернули на Фордем-роуд, чтобы попасть на Камбре- ленг-авеню.

— А почему ты вообще не перенес средневековую лите- ратуру на следующий семестр?

— Доктор Мендес будет в отпуске, и заменять ее будет отец О'Салливан.

Джон, который учился на историка и ничего не знал об английской кафедре, почесал подбородок — пора было бриться; будь мама здесь, она бы уже вынесла ему мозг — и сказал:

¹ Канноли (конноли) — традиционный сицилийский десерт, ва- фельная хрустящая трубочка с начинкой из сыра маскарпоне, взбитого творога или рикотты с добавлением различных сиропов.

— И что?

Кевин выпучил глаза.

— Да отец О'Салливан преподает тут со времен мрачного средневековья!

— Средневековья.

— А?

— Просто средневековье. Не мрачное, — возразил Джон. — Этот период больше так не называют. Его называют..

— Чувак, в Древнем Риме в домах была канализация. А вот в Священной Римской империи¹ люди мочились из окон. Так что это было *мрачное* средневековье.

Джон стиснул зубы и уже собирался ответить, но Кевин вернулся на один виток назад:

— Богом клянусь, отец О'Салливан получил эту должность в 1946 году!

Они свернули на Камбреленг-авеню.

— Чувак, мой отец родился в сорок шестом, — ответил Кевин.

— Вот и я о том же! Он чертово ископаемое. Ни за что не буду ходить к нему на лекции.

— Как скажешь. — Джона это не очень волновало. — Но на вечеринку ты должен пойти.

— Ну уж нет! Хочу сохранить остатки красоты.

Джон усмехнулся.

— На том свете отоспишься.

— Да иди ты, чувак!

Еще один порыв ветра, и Джону снова пришлось убирать волосы с лица. Чем дальше они уходили от Фордем-роуд, тем становилось тише — на Камбреленг-авеню были только жилые дома, в основном трехэтажные таунхаусы из красного кирпича с номерами на фасадах, стоявшие в глубине улицы и отделенные от тротуара невысокой железной оградой. Кроме таунхаусов тут были еще многоквартирные пятиэтажки. Выше пяти этажей зданий почти не встречалось, потому что согласно городским законам в таких домах тре-

¹ Священная Римская империя — государство, существовавшее в период с 962 по 1806 год.

бовалась установка лифта. В большинстве окон свет не горел, и, кроме Джона и Кевина, на улице никого не было.

— Ну а я пойду, — заявил Джон. — Мне-то хватило ума составить нормальное расписание! В понедельник у меня первая лекция только в половине первого. А значит, можно веселиться!

Кевин хмыкнул.

— Чувак, Бритт не бросит Джека ради тебя.

Джон напрягся. Подкатить к Бритт было его основной целью на вечеринке, но он не собирался обсуждать это с соседом и поэтому с деланным безразличием спросил:

— А что, Бритт там будет?

— Даже не пытайся. Ты врешь так же умело, как я катаюсь на сноуборде.

— Но ты не катаешься на сноуборде.

— Вот и я о том же.

Джон едва не ответил: «Как скажешь», но он уже это говорил, а повторяться ему не хотелось. Кевин, может, и был в восторге от этой дурацкой фразы «Вот и я о том же», которую он употреблял все чертово время, но Джону нравилось быть вербально разнообразным. Редактируя статьи, он в первую очередь убирал именно повторы. Интерес собеседника можно поддерживать, только если говоришь разное, а не используешь одни и те же избитые выражения. Вот почему он не любил всех этих стендап-юмористов. Они придумывают одну коронную фразу, которая становится популярной и все только ее и ждут. А дальше комики не придумывают новые шутки, а просто эксплуатируют удачную фразу в каждом выступлении. И никакое это не развлечение, а подгонка под стандарт.

— Это что еще за хрень?

Кевин на что-то указывал, и Джон, проследив взглядом за его пальцем, увидел перед одним из таунхаусов мусорные баки. И, кажется, в них кто-то рылся.

К сожалению, это не было таким уж необычным зрелищем. В округе было полно бездомных, и они постоянно рылись в урнах, разыскивая банки и бутылки, которые они потом обменивали на продукты в супермаркете.

Но тут фигура подняла голову, и Джон увидел, что это не бездомный. Они оба замерли на месте, когда поняли, что это... обезьяна.

— Бабуин! — воскликнул Джон.

— Чувак, это орангутанг.

Джон нахмурился.

— Ты уверен?

— Однозначно.

Бабуин, орангутанг, или что там это было, посмотрел на них, открыл рот и *зашипел*.

Джон и Кевин одновременно сделали шаг назад.

— Чувак, разве орангутанги шипят? — прошептал Джон.

— Нет. И бабуины тоже нет.. А почему мы говорим шепотом?

Джон не успел ответить. Это существо — черт, он будет называть его обезьяной, пока не выяснит, кто это, — схватило мусорный бак и швырнуло на дорогу. Крышки на нем не было, и по дороге разлетелась тухлая еда, пустые упаковки и прочая дребедень.

— У тебя телефон с собой? — спросил Джон.

Кевин кивнул.

— Это хорошо, у моего сдохла батарея.

— И куда, черт возьми, я должен звонить? В бюро находок?

Не отрывая взгляда от обезьяны, Джон ответил:

— Нет, тупица, в 911. Звони, пока...

Обезьяна вдруг бросилась на них, визжа так, будто взбесилась. Джон хотел повернуться и побежать, но ноги словно приросли к земле. Но вскоре это уже было неважно, потому что обезьяна могла бы соревноваться с самим Джесси Оуэнсом¹. Она настигла их уже через секунду.

Джон никогда не кричал. Его крик напоминал девчоночий и по закону подлости после ломки голоса стал *еще писклявее*. Поэтому, как бы сильно ему ни хотелось закричать, он всегда держал рот закрытым, и тогда получалось что-то

¹ Джеймс Кливленд (Джесси) Оуэнс — знаменитый американский легкоатлет, занимавшийся спринтерским бегом и прыжками в длину, четырехкратный олимпийский чемпион и мировой рекордсмен.

похожее на гудение. Он считал, что это звучит мужественно.

Но сейчас, когда обезумевшая обезьяна с дикими воплями набросилась на них и стала лупить своими большими лапами, он завизжал как девчонка.

Последний раз он чувствовал себя так в старшей школе, когда ввязался в ту дурацкую драку с Гарри Маркумом, когда они поспорили, кто пойдет с Джинни Уэйт на выпускной. Самое смешное, что Джинни, конечно же, пошла с лузером Морти Йоханнсенем, поэтому фингал и разбитую губу он получил просто так. Кулаки обезьяны молотили по ним, и больно было *езде*.

Один удар пришелся Джону в висок, и он увидел звездочки, хотя раньше думал, что так бывает лишь в мультфильмах.

Только почувствовав щекой холодный асфальт, Джон понял, что обезьяна больше его не бьет. Но он по-прежнему слышал крики.

Перевернувшись на бок — и почувствовав острую боль, — он увидел, что обезьяна подняла Кевина и швырнула об забор перед одним из таунхаусов.

Затем он услышал треск.

Он не хотел этому верить. Сначала даже *не мог*. Этот звук не был похож на хруст ветки, не был похож на треск ломающегося пластика, не был...

Ничего подобного Джон Сэдер никогда в жизни не слышал. И поэтому знал, что Кевин мертв.

— Кевин! Нет!

Он почти не обратил внимания на то, что орангутанг, или бабуин, или *что там это было*, волочилось к нему. Он смотрел на Кевина, который лежал на тротуаре Камбреленг-авеню с неестественно вывернутой шеей, и поражался, как это все вообще могло произойти. Этого не могло быть на самом деле! Обезьяны ведь не появляются ни с того ни с сего на улице и не забивают людей до смерти. Это просто невозможно.

Обезьяна набросилась на Джона и начала избивать, но он даже не поднял руку, чтобы защититься, — потому что просто не мог в это поверить.

* * *

Тот, второй, умирал целую вечность.

Первый сдался быстро. Но второго, который продолжал что-то бормотать, орангутангу пришлось бить и бить, пока тот наконец не сдался.

Как только второй испустил последний вздох, он в последний раз произнес заклинание и затоптал горящую пыль. На асфальте осталось несколько обгорелых листков, но ветер их унесет. Но даже если их найдут, никто не свяжет это со сбежавшим орангутангом, который до смерти забил двух человек.

Это было неприятно, но что поделаешь — нужно было совершить это сегодня, в последнюю четверть луны. А то, первое, нужно было совершить пятого числа, в полнолуние. Тело обнаружили через два дня, быстрее, чем он рассчитывал. Но никто из полиции к нему не пришел — очевидно, его меры предосторожности сработали.

Более того, это следовало совершить именно здесь. Ритуал указал второе место сигила¹.

Убедившись, что огонь погас, он вышел из узкого прохода между таунхаусом и многоквартирным домом — люди просто запихивают мусор в темные места, надеясь, что никто этого не заметит. Просто отвратительно! — и вытащил пистолет, заряженный транквилизатором. Прицелился и выстрелил орангутангу в шею.

В следующую секунду животное упало мордой на асфальт. Выбежав на тротуар, рукой в перчатке он вытащил дротик из его тела. Не должно остаться никаких следов его присутствия.

Он повернулся и побежал к своей машине, на ходу доставая одноразовый мобильник, который купил днем в одном из магазинчиков на Артур-авеню. Набрал 911.

— Здесь какой-то дикий зверь! Он напал на двух парней на углу Камбреленг и 188-й! Скорее приезжайте!

Затем выбросил мобильник в металлическую урну на углу 188-й Восточной улицы и сел в машину.

Двое убиты, осталось двое. И я наконец узнаю ответ!

¹ Сигил — символ (или комбинация нескольких символов), обладающий магической силой. Сигилы широко использовались магами и алхимиками для вызова духа или демона и подчинения их своей воле.